



Владимир ФИРСОВ:

Открываю только что вышедшую из печати книгу своего собрата по литературному цеху, известного поэта Андрея Шацкого — «Осенины на краю света»: «Осенины! Музыка этого исконно русского слова несказанно волнует и завораживает меня в ту высокую и светлую пору, когда ослепительный свет льётся на покрытую алой порошей листопада землю и начинается осенний лёт птиц, листьев, пау-

тинок и поэтического вдохновения. Словно далекий благовест рассыпается в ласковой тиши: «О-СЕ-НИНЫ!»...

Так просто и хорошо, в стиле К. Пастушкова или И. Соколова-Микитова, написаны эти вдохновенные строки впервые увиденной мною шацковской прозы, что на сердце становится радостно и светло, как, вероятно, было и у самого автора, открывшего для себя и для нас это удивительное время года, длящееся согласно словарю Даля со Второго (Яблочного) Спаса до Великого праздника Покрова.

Я недаром упомянул двух этих писателей, которые, по большому счёту, несомненно, должны считаться поэтами — поэтами земли Русской, а за одно и Русской. Ибо значительную часть своей жизни они провели в Старой Рузе — замечательном месте, где всегда билось сердце творческой интеллигенции России. Месте, сказочная красота которого в самых разных жанрах навсего остаётся в лучших произведениях многочисленных писателей. Андрей Шацков — тоже из этих благословенных мест:

*«Но на весь этот сором,
на древний погост,
На Дмитрия храм изуровненный дивно,
Зачарованно падают ливни из звёзд.
Заповедно — желанные зёздные ливни!».*

Стихотворение из цикла «Август», как

и другие стихи поэта, написано удивительным русским языком, присущим только данному автору, бережно сохранившему в текстах таинство всех сорока церковнославянских букв, от похожей на диковинные ворота с верёй буквы Аз до летящей смешной галкой буквы Ижица. Такие стихи принято называть «духовными», до них нельзя «дописаться». До них можно только «дожить».

Я знаю, как трудно для настоящего поэта писать прозу, но так называемая проза поэта была на Руси всегда, а её лучшие образцы пережили века. Например, «Слово» Вещего Баяна или «Князь Серебряный» гениального А.К. Толстого.

Итак, перед вдумчивым читателем новая поэтическая книга — удивительный сплав нежной лирики и русской национальной традиции, показанной не через память детства, как в знаменитой книге И. Шмелёва «Лето Господне», а через раздумья зрелого человека, бережно сохранившего «Крест отцов, не сорванный с груди»... А проводниками в путешествии по этим традициям, этому замкнутому циклу православных праздников «на пограничье света», служат «Ангелы России».

Именно на переломе двух прошлых веков цвела поэзия Серебряного века, к последним осколкам которой я причисляю творчество Андрея Шацкого. Именно таких осенённых Горним светом книг не хватает людям на неожиданно жёстком стыке двух нынешних эпох.

Лев АННИНСКИЙ:

*Уж не сам ли Иоанн Предтеча
В валенках по улице идёт?*
Андрей Шацков.

В поколении послевоенных мальчишек, которым довелось надеть красные галстуки и тотчас попасть в лавину анекдотов о героях революции, а потом дышать воздухом неверных оттепелей и мучительно искать своё место в позднесоветской реальности, готовясь сбежать хоть в сторожа и дворники от конвульсий накренившейся системы, — в этом поколении Андрей Шацков чуть не единственный сразу и прочно нащупал путь.

Родившийся в последний год сталинской эпохи, выросший в перепаханном войной Подмоскowie, он слышал магическую музыку в самом имени своей малой Родины, в административном имени района: — Рузский.

И музыке не изменил.

Интересно, что у истоков этого причащения русскости стоял такой деликатный, мягко-ироничный, лишённый всякого национального самоупоения лирик, как Валентин Берестов, однако именно он, прочтя в 1971 году первые стихи 19-летнего студента, утвердил его не просто в поэтической уверенности, но в базисном ощущении почвы, которая под ногами. Даже если она заметена снегом.

Под снегом кровь. Кровь предков. Меж красноталом и черноталом вьётся неторная тропка. Века русской истории вопиют из чащоб.

Поле, которое надо перейти, чтобы ощутить цену жизни, обретает имя. «Жизнь прожить — перейти Куликово поле».

Русью начато, Русью и завершится вселенское колесо Андрея Шацкого.

Но разберёмся сначала с Западом и Востоком.

На Западе, конечно, враги, но какие-то привычно терпимые. Ливонцы, литовцы. Надменные потомки тевтонов. Не столько к нам лезут, сколько нас до себя не допускают. А нам туда очень хочется? Не очень. Разве что порыбачить. Да на этот счёт у нас есть свой Сенег.

И тут обнаруживается, что в напоре с Востока много кровавой ярости, но мало внятного смысла. Какая-то неизбывная тошнотворная агрессия. Что-то вековечно «поганое». И из каждой ситуации «хитро смотрит свирепый хан». «Вислоусый и плосколицый». Из-под ладони наблюдающий наше зарево. «Повелитель орд». Ну, ладно бы только окаянный Мамай, явившийся к нам на Куликово поле, — от него мы отбились кровью лучших ратников, — так ведь висит узкоглазая физиономия надо всеми веками русской истории. Ма-

ячит «кочевник, жестокий и хитрый». Если с Запада — гниль, то с Востока — гибель. «Азиатская злобная конница табуנית степной саранчой». «Тугие луки» нацелены в «лебединое сердце». Еще опаснее у изворотливых степных разбойников «лисы хитрость» (каковую заимствовал у них наш гениальный стратег Боброк). А ещё опаснее этой татарской хитрости — монгольская *бесстрастная* орда, безлико и беспощадно нависающая над Русью...

Я хочу напомнить, что «татарская тема», составляющая у Шацкого стержень его лирики, падает не просто на Куликово поле, а на минное поле общей памяти, где перемешаны кости врагов и родичей и где всякая легенда может пронзить с нежданной стороны.

Каково нынешним татарам читать про свирепых убийц, творящих все беды Руси под фатальным совпадением именем?

И как вмещает эту блуждающую боль такой пристальный поэт, как Андрей Шацков?

А ведь вмещает...

Предтечи, обутого по нашему климату в валенки.

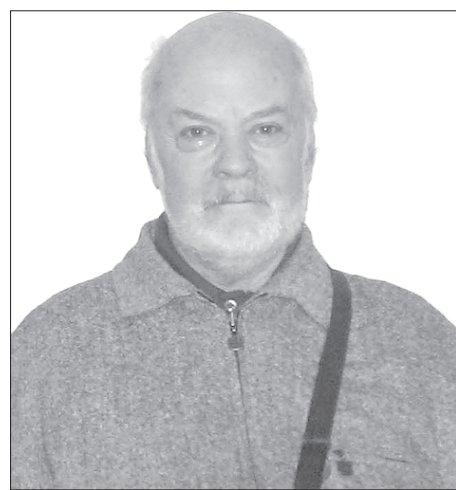
Климат же поэзии определяет (у крупных поэтов) не актуальность того или иного «высказывания», вовремя выданного в печать, а вся музыка стиха, воздействующего на читателя неотступно и всеобъемлюще.

Что бросается в глаза при чтении шацковского стиха — это тяжело ворочающиеся ударения. С упрямым обозначением акцентов.

Мешает ли это восприятию? Нет, как ни странно, не мешает. Потому что сверхзадача стиха — не четкий рисунок меняющейся реальности, а её загустевшие мазки и тяжкий синтаксис, с переносами и повторами, куда лучше передаёт непроторенное бытие, чем это мог бы передать летящий штрих.

Рифмы то устало проседают в близительность, то внезапно сцепляются в виртуозность. Когда Шацков рифмует «версту» и «жду», у меня закрадывается подозрение в элементарном профессиональном «недоотяге», но когда рядом братаются «другие песни» и «брёхи песьи», или «юркой мыслью — недосягаемой мыслью», обдаёт меня запах дрова, по которому издревле растекается эта нерасторжимая пара, — у меня возникает ощущение не «недоотяга», а скорее «перетяга». Ритмика и рифмовка, узлами перетягивающая снопы строк, напрягаются от напора реальности, грозящей сорваться с привычных мест.

И так же напряжена словесная ткань, вмещающаяся в ряды вроде бы понятные, но заново неведомые. Просинец понятен,



когда рядом стоят межень и стрежень, протальник и снегогон, мхурень и листождёр, но за бучилом и корзном иной читатель уже полезет в словарь, а такое чудо, как харлаг, и у Даля, и у Фасмера не вдруг найдёшь. Меж тем, в стихе всё это тяжело и твёрдо работает. Контекстуально и за-текстово. По нраву и образу лирического героя. По характеру его. По характеру жизни, которую он любит.

Любовь — короткое счастье и долгая грусть, она налетает внезапно и ранит надолго. Шальной грех сменяется угрюмым покаянием, пьянящий поцелуй кажется прощальным и последним, верность сердца всё время испытывается круговертью испытаний, на которые обрекает тебя история. А другой нет.

Круговерть эта отчасти приручена Шацковым в его «Славянском календаре». Поэтический ежегодник на все двенадцать месяцев расписан по православным праздникам.

Тут самое время вспомнить, что Андрей Шацков, окончив школу, не только не прервал работу на благо советской жизни (как это было той жизнью запрограммировано), но сделал ещё и блестящую карьеру (институт — стройка — комсомол — райком — обком — министерство), прежде чем бесповоротно встать на «русский путь», оставив за спиной марксизм-ленинизм и прочие фундаментальные заветы своей юности.

Какой ещё современный поэт может похвастаться такой загадочной биографией?

А никакой загадки тут нет. Русскую историю Андрей Шацков воспринимает не «кусками» и «этапами», а целостно — как единую реальность, данную нам судьбой. С единой почвой под ногами — во все сезоны. С единым небом над головой — при любой погоде. С единой и неделимой драмой, проходящей через все акты.

Виктор ЛИННИК:

Новая книга стихов поэта Андрея Шацкого, члена Союза писателей России, кавалера ордена Преподобного Сергия Радонежского — желанное событие для поклонников его творчества, для всех ценителей подлинной поэзии. Сборник «Склон високосного года» вышел с посвящением бабушке и маме — «двум самым дорогим женщинам», подарившим поэту жизнь и оберегающим его и с Высей Горних, и на нашей грешной земле. Такое посвящение очень символично для творчества Шацкого, ибо поклонение женщине как хранительнице вечного огня любви и продолжения рода — одна из трогательных черт его поэтической музыки.

Он всё-таки не «последний осколок серебряного века», как назвал его большой русский поэт Владимир Фирсов. С каждой новой книгой стихов Андрей Шацков всё убедительнее показывает нам, что он — глыба, дошедшая до наших дней в чистоте и первоначальной силе, в блеске недюжинного дарования и преемственности поэтической традиции. Как метеорит, который долетает до Земли из глубин Вселенной, рассказывая нам о её извечных тайнах.

Бог, Крещение и Пасха, исторические судьбы Родины, православная Русь и батог инородца, нетленная слава Куликова поля — вот размах его поэтического видения в последнем стихотворном сборнике «На склоне високосного года». Любовь, расставания, новые погружения в страсть, неодолимая тяга к тому, что Гёте определял, как «ewig weibliche» — «вечно женственное», природа в её неповторимом очаровании и красоте, снега, метели, морок утра и полумрак любовной ночи, крик журавлей, женщина и её колени, посвист снегорей и повиллика — вот круг его поэтических предметов, но только внешний, ибо на самом деле поэт в каждой вырвавшейся из-под пера строке повествует нам о своём упорении нетленной красотой мира, богоданных красках и запахах жизни, совершенстве этого Божьего творения и несовершенстве рода людского. Зегзица, появляющаяся в ряде его стихотворений, встречалась мне у Б. Пастернака — ещё одно подтверждение преемственности русской поэтической традиции, которую свято чтит Шацков. Озарения присущи многим произведениям Андрея Шацкого. Именно так — через озарения — приходит к нему муза, садясь у изголовья:

*«И нежный абрис женского лица,
Проявится в строке неясной тенью...
И нету слаще крестных мук Творца,
Спешащего навстречу вдохновенью...»*

Чистота его поэтического языка вызывает восхищение. Шацков, как отмечается в предисловии к книге, и впрямь сохраняет нам почти утраченную поэтическую самобытность и завораживающее таинство всех 40 церковно-славянских букв. Так может писать поэт, глубоко, всеми корнями вросший в русскую землю, в твёрдую земную. Так может чувствовать тот, чьим предком был капитан легендарного «Варяга» Руднев, кто воспринимает историю как органическую часть сегодняшнего дня, а события многовековой давности в родной ему Рузе как случившиеся вчера.

Шацкова из многих собратьев по поэтическому цеху выделяет безупречное чувство ритма, блестящее владение всей палитрой русского языка и техникой стихосложения. Читая многие его стихи, невольно вспоминаешь гоголевские слова о Языкове, который владел стихом, как араб диким скакуном своим.

Сегодня такие прекрасные поэты, как Андрей Шацков, увы, малоизвестны широкой публике. Похоже, навсегда ушли в прошлое времена нашей молодости, когда поэты могли собирать стадионы, что сегодня под силу разве что рок-звездам и шарлатанным магам-целителям.

Известность — понятие, ставшее окончательно пошлым в телеэкранную эру, когда аншлаговских смехачей и попсовых «фабричных звёзд» знают лучше, чем Пушкина и Гоголя... «Герои» нынешнего «гламурного» века — актёры, музыканты, телеведущие. Представители абсолютно негероических профессий, ибо герои немислимы без жертвенности и мужества — качеств, этим профессиям не присущих. Героев как таковых сегодня никто не знает. И поэту не может делать с них жизнь...

Поэзия таких творцов, как Андрей Шацков, есть напоминание нам о героических временах и личностях. Поэтому он вызывает законное чувство гордости за русскую поэзию, за Россию. Нам остаётся напомнить читателю, что Андрей Шацков — давний друг и автор нашей газеты. Его стихи не раз появлялись на страницах «Слова».

«Слово» № 44, ноябрь 2005 г.